

Она улыбнулась: «Первый бросок не в счёт. Попробуй ещё раз — не думай о кувшине, просто брось, используя только силу запястья».

Я послушалась и метнула стрелу. Хотя она и не попала внутрь, но ударилась о кувшин, и я обрадовалась. Обернувшись к Дугу Шао, сказала: «Уже почти!»

Дугу Шао с улыбкой стала меня наставлять: «Силу рассчитала правильно, теперь точнее. Смотри, надо прищуриться вот так...» Не успела она договорить, как А-Хуань неспешно поднялась, встала между нами, положила руку на мою и мягко сказала: «Старшая невестка тебя научит. Никаких прищуриваний и расчётов силы. Просто брось». С этими словами она обхватила моё запястье и метнула стрелу. Та описала в воздухе красивую дугу и точно угодила в кувшин.

Дугу Шао, не заметившая её подхода, теперь пристально на неё посмотрела, а ко мне обратилась с улыбкой: «Я знала, что Эрнян и Синян [букв. «Вторая» и «Четвёртая» — вероятно, прозвища или порядковые имена среди сестёр] близки, но не ведала, что вы настолько сроднились».

Она и Цуй Мин-дэ и раньше догадывались о моих чувствах к А-Хуань, но не знали, как далеко мы зашли. После такой выходки А-Хуань всё для неё прояснилось. Я занервничала и с укором взглянула на А-Хуань, но та, улыбаясь, сказала Дугу Шао: «А разве не хорошо, когда сноха и деверья [в оригинале «гусео» — отношения между снохой и сёстрами мужа] ладят?»

Дугу Шао покачала головой с улыбкой, взяла стрелу и сказала мне: «Раз у Эрнян есть такой наставник, мне не о чем беспокоиться. Я брошу второй». Не глядя на кувшин, она боковым броском метнула стрелу. Та безошибочно вошла в горлышко, издав глухой звук.

А-Хуань рассмеялась: «Если Шилюнян [«Шестнадцатая» — аналогичное прозвище] так может, то и я брошу спиной». Она взяла стрелу, встала спиной к кувшину, легонько взмахнула запястьем — и стрела, словно ласточка, влетела в горлышко. Я смотрела, разинув рот, и лишь спустя несколько мгновений захлопала в ладоши с возгласами одобрения. Когда А-Хуань протянула мне стрелу, я поспешно замотала головой: «Составляйте пару вы, а я не стану позориться».

Дугу Шао мягко усмехнулась, взяла три стрелы и, бросив их через плечо, угодила всеми тремя разом, наглухо закупорив горлышко. Не дав мне опомниться, А-Хуань подошла к кувшину, высыпала оттуда бобы и стрелы, затем вернулась на место, снова встала спиной и, взяв одну стрелу, метнула её через плечо. Стрела, войдя в кувшин, выпрыгнула обратно и точно легла ей в ладонь. А-Хуань снова метнула её, и она снова вернулась. Так она повторила десятки раз, не прерываясь.

Дугу Шао, слегка уязвлённая тем, что её превзошли, пробормотала: «В тоуху я не сильна. Победить меня — невелика заслуга. Вот одолеть её — это да».

Я уже глаз не могла оторвать, забыв даже аплодировать. Услышав слова Дугу Шао, я изумилась: «Бывает ещё искуснее?»

А-Хуань с улыбкой посмотрела на меня: «Если говорить о мастерстве тоуху, то Цуй Вторая — первая в Поднебесной, и никто не посмеет оспорить».

Я не могла даже представить, что может быть искуснее, и загорелась любопытством, страстно желая, чтобы Цуй Мин-дэ уже пришла и показала своё умение. Но назначенное время — час Овцы — было ещё почти через целый отрезок [«дабан гэ шичэнь» — букв. «большую половину

отрезка времени», около 45-50 минут]. Я взяла А-Хуань за руку и спросила: «В чём же первенство Цуй Второй? Она может сделать больше бросков подряд?»

А-Хуань рассмеялась: «Несколько лет назад я видела, как она играла. Она поставила вокруг горлышка шесть колец, взяла семь стрел и метнула их одним броском. Одна попала в кувшин, а остальные шесть — каждая в своё кольцо, без единой ошибки. Она ещё и обеими руками может: по очереди метает в узкое горлышко, куда лишь одна стрела помещается, — одна влетает, другая вылетает, и так сотни раз без промаха».

Одна мысль об этой картине повергла меня в благоговейный трепет. Я воскликнула: «Она выглядит такой утончённой, изящной, я-то думала, она, как и все знатные барышни, лишь в музыке, шашках, каллиграфии и живописи сильна. Не знала, что и в тоуху она столь виртуозна».

А-Хуань с усмешкой взглянула на меня: «А разве ты не видела, как она в мяч играет? Та, что не боится выходить на открытое поле без защиты, на глазах у мужчин, — разве похожа на тех жеманных барышень, что только и делают, что ломаются?»

Её слова напомнили мне, что я и вправду видела, как Цуй Мин-дэ играет в мяч. Её мастерство управления мячом и впрямь не походило на манеры тех, кто сторонится и избегает [взоров]. Но почему-то теперь эта лихая девушка словно полностью переменилась: то на цине играет, то на жуане [китайский щипковый инструмент], то книги читает, то сутры переписывает. Не то чтобы это было плохо, но в моих воспоминаниях Цуй Мин-дэ всегда была тихой, утончённой, знающей ритуал и соблюдающей правила — совсем как дочери знатных семейств вроде госпожи Ван или госпожи Пэй. Прямо как А-Хуань перед посторонними прежде.

Я подняла на А-Хуань взгляд. Та многозначительно посмотрела на меня, а затем двинула подбородком в сторону Дугу Шао.

Я перевела взгляд на Дугу Шао. Эта особа вдруг погрузилась. Она налила себе чаю, отпила залпом и вздохнула: «Ты думаешь, мы с ней близки? А знаешь ли, в чём наша близость заключалась? Мы вместе петухов травили, на лошадях скакали, на мечах сражались, с хускими [среднеазиатскими] парнями в цуцзюй [ножной мяч] играли, слуг на хулиганов натравливали, у братьев одежду воровали, чтобы в храме «сто игр» посмотреть. Мой старый отец книг не любил, унаследованные военные трактаты пылились, учителя мне не нанимал. Это она мне иероглиф за иероглифом объясняла, тактику и построения — мы всё на бумаге разбирали, да на слугах тренировались, пока не выучили назубок. Она ещё у своего дяди военные книги для меня выпрашивала. Семья её, считая, что девочке негоже, отказывала. Так она наизусть их заучивала, а ночью мне переписывала».

Я молчала, переводя взгляд на А-Хуань. Та улыбнулась мне и сказала Дугу Шао: «Но с годами родители заставили её изучать женские ремёсла и правила, готовя к будущему замужеству. У неё и у её старшей сестры с юных лет была добрая слава, и сваты с десяти лет не переводились. Отец их считал редкостным товаром и всем отказывал, так и затянул, пока им не минуло пятнадцать. Потом случилась история с низложенным наследным принцем, и свадьбы обеих застопорились. Старшая сестра ушла в монахини, а она сама попросилась во дворец. Обе так и остались одинокими, сами по себе».

Дугу Шао равнодушно промолвила: «Когда ей было двенадцать, её дед хотел выдать старшую сестру замуж в род Лу. Но отец считал, что у Лу лишь пустая слава, а достатка нет, и хотел пристроить дочерей в дом канцлера. Однако в то время репутация канцлера Фана была безупречна, и дед не согласился. Туда-сюда, тянули, пока не настало время выбирать невест

для низложенного наследного принца. Тут уж поздно было жалеть».

Я опустила глаза: «Значит, с самого начала сёстры были лишь пешками в семейной игре. За кого выйти, когда выйти — всё решалось лишь семейной выгодой, а об их собственном счастье и не думали». Подняв взгляд на А-Хуань, я увидела, что она тоже смотрит на меня. Взгляды встретились, и она поняла, что я уловила её намёк. На её губах дрогнула лёгкая улыбка, обнажив маленькую ямочку.

Цуй Мин-дэ пришла довольно рано. Мы с Дугу Шао, само собой, встретили её радушно, да и А-Хуань лично спустилась поприветствовать. Цуй Мин-дэ неторопливо обменялась с нами приветствиями. Я первой поблагодарила её за помощь, но она в ответ совершила почтительный поклон и сказала: «Мои братья, двадцатый и тридцать девятый, много лет не могли пройти отбор на должность. Лишь благодаря тебе их выбрали в числе отличных. Это мне следует благодарить тебя».

Помочь двум её братьям, не блиставшим в учёбе, получить должности — это была моя собственная идея. Поскольку в клане Цуй учёные традиции сильны, и потомкам нетрудно поступить на службу через кэцзюй, вместо того чтобы помогать тем, кто и сам мог добиться успеха, лучше поддержать отстающих. Я через Дугу Шао разузнала о двух её братьях — единокровном младшем и двоюродном, с которыми у Цуй Мин-дэ были хорошие отношения, — и рекомендовала их в Ведомство чинов. Один получил должность выверщика текстов в Императорской библиотеке, другой — помощника начальника уезда высшей категории. Обе должности были перспективными, в рамках установленного штата. Дело это было мелкое, да и сообщения между внутренним и внешним двором ходили плохо, поэтому даже А-Хуань о нём не знала. А Цуй Мин-дэ, находясь в глубинах дворца, проявила такую осведомлённость — это меня удивило.

Я взглянула на неё и улыбнулась: «Оба брата — таланты выдающиеся, да и время ныне благоприятное. Попастъ в число отобранных было для них лишь вопросом времени. Не будь меня, нашёлся бы другой, кто бы их выдвинул. Не стоит такого глубокого поклона».

Цуй Мин-дэ улыбнулась, но ничего не сказала, и изящной походкой последовала за нами наверх. Я специально не велела убирать остатки игры в тоуху и, проходя мимо, наблюдала за её реакцией. Но та шла, не скосив глаз, а сев за стол, завела лишь светскую беседу о природе и погоде, ни словом не обмолвившись о том, о чём говорила Дугу Шао, и не вступая с ней в разговор.

А-Хуань и я переглянулись. Она велела убрать принадлежности для тоуху и подать угощения.

<http://bllate.org/book/16278/1467043>